

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'23

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-203-209

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

**АКСИОГЕННЫЕ КОМИЧЕСКИЕ ЛИЧНЫЕ
НАРРАТИВЫ**

Рассматриваются ценностно маркированные личные повествования о смешных происшествиях как жанр комического дискурса. В отличие от других жанров комического дискурса эти нарративы излагаются как сообщения о событиях, которые произошли с рассказчиком или с известными ему людьми. Комизм этих историй построен на столкновении двух интерпретативных позиций. В первом случае отражается реальное, обиходное и конкретное положение дел, во втором случае то же самое событие осмысливается как фантастическое, патетическое либо трафаретное. Трудно определить степень достоверности этих историй, но они построены как рассказы о фактах. Комический эффект в них реализуется как розыгрыш, либо бурлеск, либо осмеяние ригидности мировосприятия.

Ключевые слова: дискурс, жанр, комичность, личный нарратив, розыгрыш.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8306-5317

Оценочная квалификация реальности множественно и вариативно отражена в семантике языковых единиц и ситуативно-прагматических нормах речевого поведения [1; 2; 3; 4]. Вместе с тем отмечено, что в лингвистических работах по оценке недостаточно изученными остаются речевые характеристики языковых и речевых единиц [5].

В ряду ценностно маркированных жанров речи выделяется класс аксиогенных (ценностно-порождающих) личных нарративов – повествований о значимых событиях, запомнившихся субъекту речи. Эти нарративы отличаются от мифов и легенд тем, что их персонажами являются простые люди, и речь в этих повествованиях идет о запоминаю-

Vladimir I. Karasik
Volgograd, Russia

**AXIOGENIC COMICAL PERSONAL
NARRATIVES**

The article deals with value-marked personal narratives about funny incidents as a genre of comic discourse. In contrast with other genres of comic discourse these narratives are presented as event messages that have happened with the narrator or with people known to him. The comical essence of such stories consists in a combination of incompatible positions, the first one shows an event as a real, matter-of-fact habitual state of affairs, whereas the second one describes it as a fantastic, pathetic or stereotyped reality. One can hardly say for certain if the events described have really taken place but they are positioned as facts. The comical effect in them is realized as hoax, or burlesque, or ridicule of perceptive rigidity.

Key words: discourse, genre, comicality, personal narrative, hoax.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Chair of the English Philology Department.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

щихся странных, трагических или занятных происшествиях, которые могут случиться с каждым. В отличие от притч такие рассказы не содержат нравоучительных импликаций, от анекдотов они отличаются правдоподобием и конкретикой [6].

Современные анекдоты как жанр городского фольклора возникли как курьезные истории из жизни известных людей. Например:

На перроне крупного вокзала ожидает отправление поезда пожилая дама с большим чемоданом. Она явно растеряна и не знает, как ей самой справиться с ним, но тут мимо неё проходит какой-то высокий бородатый мужик.

– Любезный, а помоги мне с чемоданом. Занеси-ка его в поезд, а я тебе заплачу! – говорит дама.

Этот мужик молча берёт чемодан, относит его в вагон, забирает из рук дамы монетку и выходит из поезда. В этот момент к даме обращается её сосед:

– Да вы знаете, кто это? Сам Лев Толстой! Писатель! Граф! – говорит он с ужасом в голосе.

Дама выскакивает из поезда и изо всех сил бежит к удаляющемуся с перрона писателю. Наконец она догоняет его и говорит:

– Извините меня, пожалуйста, Лев Николаевич, не признала! Верните мне монетку, – лепечет дама, немного растерявшись и желая хоть как-то исправить свою оплошность.

– Нет, не верну! – говорит ей в ответ граф. – Я её заработал честным трудом и вам обратно не отдам!

Перед нами занятный случай, поведение персонажей весьма правдоподобно, его фигурантом является известная личность. Вместе с тем курьёзные ситуации происходят с каждым из нас, обычно о них рассказывают друзьям и знакомым, и в эпоху Интернета круг таких слушателей (и читателей) существенно расширился.

В социальных сетях активно обсуждаются подобные истории. Их назначение – заинтересовать и удивить широкую аудиторию и при этом выразить свое отношение к описываемым событиям. В этом плане оценочное отношение к предмету речи в личных нарративах может рассматриваться как индикатор социально значимых ситуаций в конкретных исторических условиях. Трудно определить степень фактуальности таких повествований, читателям, как и слушателям рассказов бывалых людей, остаётся только полагаться на свои представления о вероятном или невероятном развитии событий. В эпоху постмодерна мы принимаем тезис о возможности проявления любого сюжета в жизни и, следовательно, оцениваем событие как допустимое. Типология подобных повествований может строиться на разных основаниях. В данной работе рассматриваются разные классы комических аксиогенных нарративов, в которых совмещаются фантастические и реальные, экстремальные и обиходные, трафаретные и конкретные модели интерпретации событий. Источником текстов послужили данные сайтов www.factrum.ru и www.rd.com, на которых размещены проанализированные истории.

Первый из рассматриваемых сюжетов представляет собой розыгрыш, в котором в качестве неожиданного стечения обстоятельств фигурирует редкая, но вполне правдоподобная бытовая ситуация:

Мне в наследство досталось две совмещенные квартиры, расположенные на одной лестничной площадке. Вот я и позарился на третью, последнюю на этаже. В итоге мне все-таки повезло запо-

лучить и её. Теперь весь этаж в моём распоряжении. Чувство приятное, скрывать не буду.

Однажды вечером звонок в дверь. Открываю, передо мной три человека в религиозных нарядах, спрашивают про мою веру. В общем, пожаловали ко мне свидетели Иеговы. Я их культурно выпроводил, но уже через минуту послышался стук в другую дверь.

И тут мне в голову гениальная идея пришла. Я с абсолютно безразличным лицом открываю вторую дверь и, как ни в чем не бывало, начинаю разговор с самого начала. Свидетели растерялись, переглядываются, заикаться начали. Отправляю их восвояси и со смехом бежу к третьей двери, чтобы уже быть наготове.

Дождавшись звонка, открываю дверь и в третий раз приветствую своих непрошенных гостей. Надо было видеть их побледневшие лица. Вся компания с криками и визгами молнией устремилась вниз по лестнице. Последнее, что я услышал, было слово «нечестно!».

Только решили с женой двери убирать, но теперь есть резон отложить эту затею. На очереди почтальоны, переписчики населения и надоедливые распространители.

Интерпретативные линии участников этого повествования принципиально различаются. Свидетели Иеговы воспринимают повторение одного и того же человека в дверях разных квартир как аномалию, тем более, что этот человек произносит одни и те же слова при встрече. Герой нарратива сознательно конструирует ситуацию абсурда, получая при этом удовольствие. Не очень точно обозначены характеристики внешности сектантов, вряд ли у них есть особые наряды, но их объединяют узнаваемая общая модель поведения, специфическое выражение лица и клишированные тексты, с которыми они вербуют в свои ряды новых иеговистов. Обращает на себя внимание постановочная часть этого занятого события: безразличное лицо героя, его смех за закрытой дверью, трехкратное повторение этого эпизода. Аналогичным образом происходит нарастание удивления и страха со стороны иеговистов. Начало и завершение нарратива симметрично привязывают повествование к реальности, делая его правдоподобным. Отношение героя к сектантам четко выражено в словосочетании «культурно выпроводил». Осуждается надоедливость и бесцеремонное вторжение чужих в частную жизнь людей. Отсюда вытекает понимание относительно новой ценности носителей современной русской культуры – острое ощущение недопустимости нарушения своего приватного пространства со стороны других. Такое специфическое мировосприятие присуще представителям современной Западной цивилизации, в особенности гражданам англоязычного мира, точнее – среднему классу

этого лингвокультурного сообщества [7]. В немецком языке есть клишированное выражение «*Hausieren ist verboten*» – «*Запрещено заходить в подъезды для торговли вразнос*».

Второй сюжет в известной мере перекликается с первым, но отличается от него тем, что герой повествования разыгрывает своего антагониста, перевоплощаясь в демонического персонажа:

Уж не знаю почему, но любят ко мне всякие там сектанты на улице приставать. Недавно я нашёл эффективный способ отвязываться от них, а заодно и поднимать себе настроение.

В аптеке случайно наткнулся на линзы, изменяющие не только цвет, но и зрачок. Когда-то они произвели настоящий фурор в мире оптики, но в последнее время отошли на задний план. Решил я себе прикупить один комплект. Нацепил их сразу, а поверх солнечные очки надел. Вышел из аптеки, а тут как по заказу пожилая дама пристала и интересуется, как я отношусь к наступающему концу света.

– Да, я что-то об этом слышал.

Женщина воодушевилась и давай причитать:

– Тёмный лорд уже среди нас, ищет грешные души...

Не дослушав до конца, я снял очки и уставился своими кошачьими зрачками прямо на неё:

– Это ты обо мне сейчас?

Так быстро от меня ещё никто не убежал!

Разговоры о приближающемся конце света – излюбленная тема проповедников. На фотографиях уголков ораторов в лондонском Гайд-парке часто можно увидеть самодельные плакаты с надписью «*The end is at hand*» – «*Конец близок*». Женщина-миссионер пытается стандартным образом обработать потенциального неопита, хотя отмечу, что словосочетание «тёмный лорд» относится к другому типу дискурса – западным фильмам ужасов или компьютерным играм. Более вероятным было бы упоминание дьявола в его разных наименованиях. Тем не менее ситуация выглядит вполне правдоподобной. Режиссерский приём повествователя – раскрытие своего фокуса: он использует особые линзы, имитирующие кошачьи зрачки. Обычно с такими зрачками изображаются ведьмы. Повествование осуществляется в разговорной тональности («*всякие там сектанты*», «*прикупить*»). В соответствии с канонами жанра встречи грешника с дьяволом герой являет себя и обращается к даме на «Ты»: «*Это ты обо мне сейчас?*». Собеседница гораздо старше героя, подобное обращение в русской культуре не принято. Женщина испытывает эмоциональный шок (люди старшего возраста вряд ли знают о таких линзах, подобные аксессуары покупают только молодые искатели приключений). Мы понимаем, что в сознании жертвы этого розыгрыша произошла накладка

естественного и сверхъестественного развития событий. Как и в предыдущем примере, начало и конец повествования заземляют ситуацию, делая ее правдоподобной. Аксиогенный смысл этого повествования – насмешка над примитивной клишированной методикой проповедников, вызывающих у наших молодых современников резкое неприятие.

Третий сюжет интересен тем, что в нем находит выражение интертекстуальная связь нашей реальности с фикциональным миром художественных фильмов:

Мой знакомый Петя увлекается историческими перформансами. Ну, знаете, ребята в старинном обмундировании сражаются на мечах, а болельщицы в пышных платьях в пол подают им еду и напитки. Признаться, со стороны всё это выглядит действительно эффектно.

Так вот, как-то поздно вечером Петя возвращался с такого мероприятия. Переодеваться ему было лень, поэтому он просто натянул майку на доспехи, а меч в рюкзак засунул. В тёмном переулке к нему прицепилась компания гопников. Он их тактично послал, но один из хулиганов вытащил ножик. Тогда Петя достал из рюкзака свой меч, поднял его над головой и плашмя дал этому гопнику по башке. Тот так и плюхнулся в лужу. Второй, который молча наблюдал за происходящим, упал на колени и давай жалобно стонать:

– Дункан Маклауд, пощади!

В этом повествовании комично сопрягаются две сюжетные линии: обычный рассказ о столкновении с городскими хулиганами и неомифологическая сага, созданная в киноэпопее «Горец» («Highlander»). Первый фильм этого сериала вышел в свет в 1986 г. В этом художественном произведении, относящемся к жанру фэнтези, рассказывается о бессмертных воинах, сосланных на нашу Землю и живущих как обычные люди, пока они не встретят подобного изгнанника. Тогда они ведут смертельный поединок на мечах («*Должен остаться только один*»), и тот, кто отсекает своему противнику голову, приобретает его силу. Главный герой, шотландский горец Коннор Маклауд, воплощает в себе все качества супермена – он обладает невероятной силой, великодушен и добр. Жизненная привязка нарратива к нашим условиям раскрывается в практике исторических перформансов – костюмированных представлений в средневековых одеяниях, эти представления включают и боевые столкновения. Обычно там воссоздается эпоха раннефеодальной Руси, но популярны также перформансы в стиле Толкина. В этом рассказе бросаются в глаза два несоответствия: меч не уместится в рюкзаке, ножны находятся на спине, и киногерой эффектно выхватывает длинный меч при столкновении с врагом (в реальном боевом столкновении

подобная манипуляция была бы чересчур долгой, хотя участники подобных перформансов приводят в Интернете аргументы в пользу ношения оружия на спине); героя зовут Коннор, а не Дункан. Обратим внимание на характеристику антагонистов: это гопники, современные городские хулиганы, которые раньше обозначались как шпана. Если дать более точное определение, то гопники – это жаргонное обозначение маргинальной молодёжи, принадлежащей к низам общества, малообразованной и агрессивной. Они активно занимаются культуризмом, демонстративно сквернословят, ходят группами и называют себя «пацаны». Их тела покрыты татуировками. Гопник угрожает герою ножом, Петя использует свое оружие по назначению, бьет нападающего плашмя по голове, и тот без сознания падает в лужу. В какой мере второй гопник считает, что перед ним реально оказался бессмертный Коннор Маклауд, сказать трудно, но вполне вероятно, что испуганный хулиган на самом деле поверил в такое развитие событий. Аксиогенные импликации этого повествования сводятся, на мой взгляд, к обоснованию борьбы с хулиганьем всеми доступными способами и к насмешке над необразованными людьми.

Второй класс юмористических личных нарративов построен на эффекте совмещения экстремальной и обиходной ситуаций. Осмысление чрезвычайного положения дел с позиций повседневной рутинной жизни по своей сути представляет собой стилистический приём батоса (бафоса), разновидности бурлеска, состоящей в неожиданном тематическом или стилистическом снижении [8: 150].

В первом сюжете противостояние преступников и правоохранительных органов воспринимается как досадная помеха покою граждан:

Вчера поздно вечером грабили продуктовый магазин прямо напротив моих окон. Благо продавец успел нажать тревожную кнопку, поэтому полиция приехала сразу после начала «сабантуйя». Грабители спрятались внутри, в заложники взяли продавца. В итоге состоялась лёгкая перестрелка. Нет, не такая пальба, как обычно показывают в фильмах, а скромный «обмен любезностями».

– Выходите из магазина с поднятыми руками!

– Нет! Всех вас перестреляем, но не сдадимся!

Я, как, собственно, и мои соседи, наблюдал за происходящим с балкона. Всё это действие продолжалось не меньше получаса, пока не раздался женский крик из окна:

– Да сколько же можно?! Застрелите их уже! Людям выспаться надо!

Пауза, после которой кто-то из полиции спросил в рупор:

– Женщина, это вы нам или им?

Никогда не думал, что серьёзное ограбление может превратиться в комедийный спектакль.

Первая сюжетная линия – это ночное нападение грабителей на магазин, взятие заложника и перестрелка с полицией. Вторая сюжетная линия – реакция невольных свидетелей на это происшествие, одни в качестве зрителей наблюдают за происходящим, другие выражают своё недовольство, поскольку перестрелка мешает им отдыхать. Полицейский превращает своим вопросом всю ситуацию в абсурд, и не случайно автор этого нарратива говорит в своём итоговом комментарии о превращении серьёзного ограбления в комедийный спектакль. Насмешка над ограблением как опасным событием психологически представляет собой вытеснение страха и активизируется в анекдотах. Например:

В банк врывается грабитель в маске, оглядывается и кричит: «Облажание!». Кто-то робко ему отвечает: «Вы хотите сказать – ограбление?». Тот отвечает: «Нет, облажание! Я пистолет дома забыл».

Известно, что в наши дни грабители часто кричат в такой ситуации: «Вооруженное ограбление!», чтобы присутствующие не приняли это за розыгрыш. Заметим, что этот факт свидетельствует о том, что восприятие разных событий как розыгрышей стало естественной реакцией наших современников на многие ситуации, и это говорит об их постмодернистской готовности к любому развитию сюжетов, включая самые невероятные. Окказиональное существительное «облажание» образовано от жаргонного глагола «облажаться» – оказаться в глупом, нелепом положении, потерпеть неудачу в чём-либо (БТС) (от жаргонного «лажа» – обман, ложь, ерунда, вздор). Аксиогенный смысл подобных сюжетов – насмешка над абсурдом, с одной стороны, и над пафосным восприятием реальности, с другой стороны.

Второй сюжет по своим фигурантам похож на предыдущий, но отличается тем, что в нем обыгрывается автоматизм в поведении, превращающий экстремальную ситуацию в абсурд:

У дома подозреваемого стоит машина с группой захвата. Сотрудник в гражданском попросил «цель» выйти на улицу, чтобы обсудить важный вопрос. Дверь подъезда медленно приоткрылась, из щели показалась голова, глаза забегали в поисках человека, который жаждал встречи. При этом на улице мужчина так и не вышел.

И тут командир принимает молниеносное решение идти на захват незамедлительно – потом вряд ли попадут в дом. А дальше картина: из машины выпрыгивают до зубов вооружённые спецназовцы и бегут в сторону подъезда. Понимая, что точно не добегут и дверь вот-вот захлопнется, один из команды кричит подозреваемому:

– Друг, придержи дверь!

И он её придержал...

Вооруженный захват преступника – это чрезвычайное событие с возможностью жестокого столкновения и смерти. Но обиходная просьба, с которой обычно обращаются друг к другу незнакомые люди, вызывает у человека за дверью автоматическую реакцию, и в данной ситуации это помогает спецназовцам задержать подозреваемого. Аналогичным образом нелепо выглядит ситуация, когда люди дерутся и при этом произносят этикетные фразы извинения. Аксиогенный смысл подобных нарративов состоит в насмешке над автоматизмом поведения.

В третьем сюжете совмещаются два прочтения прототипной ситуации: речь идёт о войне.

My high school assignment was to ask a veteran about World War II. Since my father had served in the Philippines during the war, I chose him. After a few basic questions, I very gingerly asked, "Did you ever kill anyone?"

Dad got quiet. Then, in a soft voice, he said, "Probably. I was the cook."

(www.rd.com/jokes/funny-stories).

Когда я был старшеклассником, моим заданием было найти ветерана Второй мировой войны и задать ему вопросы о ней. Поскольку мой отец служил на Филиппинах во время войны, я обратился к нему. После нескольких основных вопросов я очень осторожно поинтересовался: «Ты кого-нибудь убивал?».

Отец помолчал и затем тихим голосом ответил: «Возможно. Я был поваром».

Когда мы думаем о войне, в нашем сознании возникают образы боевых столкновений. Сражение обычно ассоциируется с мужеством, и поэтому повествование о нём закономерно излагается с определённой долей патетики. Убивают врагов на поле боя. Но в приведённом примере возникает другая сюжетная линия: ветеран войны признаётся, что по его вине, возможно, кто-то из солдат насмерть отравился. Такое осмысление ситуации превращает её в бытовое, хотя и печальное, событие. Аксиогенный смысл этого текста состоит в констатации того, что во время войны люди порой погибают по весьма прозаическим причинам. Содержанием подобных текстов является не столько высмеивание нелепости событий, сколько иллюстрация иронии судьбы.

Третий подкласс рассматриваемых личных нарративов образуют истории, в которых комичным образом совмещаются разные модели интерпретации, одна из которых соответствует реальному положению вещей, а другая – некоторому представлению о привычном или должном состоянии. Условно эти модели можно обозначить как конкретное и трафаретное прочтение ситуации.

Первый сюжет связан с выполнением обязательного предписания, имитация этого действия превращает событие в абсурд:

Существует правило, по которому пролив Босфор можно проходить только с исправными якорями, а наш корабль этот самый якорь благополучно потерял во время недавнего шторма, и чтобы исправить ситуацию, старпом приказал сделать макет якоря из подручных материалов и покрасить. На это дело ушла всего одна ночь, и к утру якорь занял положенное место, разрешение на проход было получено. Нужно было видеть глаза турок, глядящих вслед кораблю с якорем, развевающимся на ветру.

На корабле должен быть якорь, выполнение этого предписания является непереносимым условием прохождения судна через пролив Босфор. На судне случаются разные поломки и происшествия, и поэтому версия о потере якоря во время шторма выглядит правдоподобно. Не менее правдоподобна и ситуация с изготовлением макета якоря. Но то, что матросы будут использовать для этого макета в качестве материала ткань, вызывает улыбку. Развевающийся на ветру якорь превращается в символ абсурда, и изумление турецких пограничников вполне предсказуемо. Аксиогенный смысл этой истории состоит в насмешке над трафаретным выполнением некоторых требований.

Второй сюжет показывает нам трафаретность мышления, граничащую с патологией. Человек принципиально не хочет или не может вникнуть в суть ситуации:

Мой товарищ недавно приобрёл пианино. Живёт он на седьмом этаже. Позвал меня и ещё одного друга на помощь.

В общем, тащим мы этот инструмент, кое-как допёрли его до четвёртого этажа. Остановились, чтобы немного дух перевести. Пока один приятель сел перекурить, второй уселся за пианино и начал играть лёгкий блюз. В этот момент из квартиры вышла пожилая дама. Уставилась на нас квадратными глазами и, тяжело вздохнув, говорит:

– Куда мир катится? Раньше молодёжь в подъездах на гитарах играла...

Бабуля ещё раз грустно вздохнула и ушла.

Известно, что пианино – это большой и тяжёлый инструмент, для транспортировки которого обычно нанимают грузчиков. Не вызывает сомнений то, что герои повествования устали, поднимая ношу на четвёртый этаж, и решили немного отдохнуть. Вполне правдоподобна ситуация музицирования во время отдыха. Абсурдным выглядит поведение пожилой дамы, которая интерпретирует эту ситуацию как приятное времяпрепровождение молодых людей в подъезде. Такая трафаретность мышления свидетельствует о странных пресуппозициях в сознании этой бабушки. Подобные умозаключения могут делать дети, у

которых еще не сложилась система знаний о мире. Например:

Маленькая девочка идёт с мамой мимо мусорных ящиков, замечает там сидящую кошку и констатирует: «Что за люди пошли! Годную кошку выбросили».

В этом случае трафаретность выводов связана с недостаточностью жизненного опыта и прямолинейностью суждений: всё, что находится на мусорке, это выброшенные вещи. В случае с пианино прямолинейность трафаретных суждений объясняется, вероятно, другими причинами. Аксиогенный смысл приведённой истории сводится к грустной насмешке над людьми, не понимающими абсурдности своих суждений.

Третий сюжет касается буквального понимания некоторого текста, который должен быть осмыслен ситуативно:

A woman called our airline customer-service desk asking if she could take her dog on board.

“Sure,” I said, “as long as you provide your own kennel.” I further explained that the kennel needed to be large enough for the dog to stand up, sit down, turn around, and roll over.

The customer was flummoxed: “I’ll never be able to teach him all of that by tomorrow!”

Одна женщина обратилась в справочную службу нашего агентства с вопросом, может ли она взять с собой на борт самолёта свою собаку.

Я ответил: «Разумеется, при условии, что собака будет в конуре». И затем я уточнил, что конура должна быть достаточно просторной, чтобы собака могла вставать, садиться, поворачиваться вокруг и переворачиваться с боку на бок.

Женщина пришла в замешательство: «Боюсь, что не смогу до завтра обучить моего пса всему этому».

Служащий агентства объясняет даме, что конура при перевозке животного на самолете должна быть просторной, уточняя подразумеваемые характеристики конуры в зависимости от размера собаки. Клиент воспринимает это объяснение как указание на то, какие действия должна выполнять собака. Трафаретность восприятия выглядит комично. Аксиогенный смысл этого повествования состоит, на мой взгляд, в том, что неспособность ситуативно осмыслить положение дел заслуживает осмеяния.

Резюмирую. Приведенные типы комических личных нарративов не исчерпывают всех ситуаций, герои которых ведут себя глупо, нелепо или претенциозно. Вместе с тем можно заметить, что комизм излагаемых историй строится на противоречии между двумя линиями интерпретации, первая из которых отражает реальное, обиходное и конкретное положение

дел, а вторая допускает фантастическую, либо патетическую, либо трафаретную версию описываемого события. Такое противоречие реализуется в виде розыгрыша, либо бурлеска, либо осмеяния ригидности мировосприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 896 с.
2. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 229 с.
4. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. М.: ИКАР, 1997. 320 с.
5. Деметьев В. В. Аксиологическая генеристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24.
6. Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. 450 с.
7. Прохвачева О. Г. Концепт «приватность» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С. 102–202.
8. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Babayeva Ye. V. *Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki russkoy i nemetskoy aksiologicheskikh kartin mira*. [Linguocultural characteristics of Russian and German axiological pictures of the world]. Diss. Doct. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 40 p.
3. Vol'f Ye. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 229 p.
4. Pisanova T. V. *Natsional'no-kul'turnyye aspekty otsenochnoy semantiki: esteticheskiye i eticheskyye otsenki* [National and cultural aspects of evaluation semantics: aesthetic and ethical assessments]. Moscow, IKAR Publ., 1997. 320 s.
5. Demytyev V. V. *Aksiologicheskaya genistika: aspekty problemy "otsenka i zhanr"* [Axiological genistics: aspects of a problem "evaluation and genre"]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2016, no. 2 (14), pp. 9–24.
6. Karasik V. I. *Yazykovoye proyavleniye lichnosti* [Language manifestation of personality]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 450 p.
7. Prokhvacheva O. G. *Kontsept "privatnost"* [The concept of "privacy"] In: *Inaya mental'nost'* [Another mentality]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. pp. 102–202.
8. Moskvina V. P. *Vyrazitel'nyye sredstva sovremennoy russkoy rechi. tropy i figury. Terminologicheskyy slovar'*. *Izd. 3-ye, ispr. i dop.* [Expressive means of modern Russian speech. trails and figures. Terminological dictionary. Ed. 3rd, correct. and add.]. Rostov-na-Donu, Fenics Publ., 2007. 940 p.

Статья поступила в редакцию 18.07.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Аксиогенные комические личные нарративы // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 203–209. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-203-209

For citation

Karasik V. I. Axiogenic Comical Personal Narratives. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 203–209. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-203-209.